

ПАМЯТИ Т.В. СНЕГИРЕВОЙ

18 июля 2012 года на 80-м году жизни после тяжелой и продолжительной болезни скончалась Татьяна Васильевна Снегирева. Татьяна Васильевна на протяжении 10 лет была главным редактором нашего журнала, и только в последние годы в связи с болезнью была вынуждена оставить эту работу.

Каждый, кто знал Татьяну Васильевну, не может не отметить ее цельности и в то же время разносторонности. Психолог, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Психологического института РАО, заведующая лабораторией научных основ психологического консультирования и психотерапии ПИ РАО, и в то же время — талантливейший журналист.

Татьяна Васильевна в 1953 г. закончила отделение психологии философского факультета Московского государственного университета им М.В. Ломоносова, но по его окончании она ушла в журналистику, которой отдала более 16 лет своей жизни. Журналистская карьера Татьяны Васильевны проходила в известнейших изданиях нашей страны. Татьяна Васильевна работала в отделе студенческой и учащейся молодежи «Московского комсомольца», затем была заведующей отделом учащейся молодежи в «Комсомольской правде», специальным корреспондентом Литературной газеты.

В начале 70-х гг. Татьяна Васильевна вернулась в психологию и стала научным сотрудником ПИ РАО. Все помнят ее как очень увлекающе-

гося человека, старающегося всегда проникнуть в суть вопроса, включающегося в деятельность, которой занята, до конца без остатка. Уйдя из журналистики, Татьяна Васильевна получила сертификат Психоневрологического института им. Бехтерева по клинической психологии и психотерапии, участвовала в группе Карла Роджерса и Рут Сэнфорд, специализировалась в трехгодичной программе подготовки по системной семейной психотерапии и супервизии под руководством Ханы Вайнер, посещала семинары по семейной расстановке Берта Хелингера.

В наш журнал, который в то время еще назывался Московским психотерапевтическим журналом, она пришла в конце 90-х годов и, может быть, работа в нем позволила Татьяне Васильевне объединить свои профессиональные интересы и как психолога, и как журналиста.

Несмотря на то что ее жизнь была очень трудна — она пережила много личных трагедий, мы все помним Татьяну Васильевну очень быстрым, активным, легким человеком, веселым, ярким и при этом сознательно остающимся не на виду. Характерно, что осталось очень мало ее фотографий, практически нет официальных воспоминаний и записей о ее работе. «... В отличие от такой PR-ориентированной современной жизни, у нее была очень тихая жизнь, наполненная трудом и содержанием» (Ф.Е. Василюк).

По словам коллег, она всегда оставалась очень живой, самозабвенной, никогда «не фиксировалась на себе», очень легко говорила и всегда высказывала свое мнение, могла быть вспыльчивой, когда речь шла об интересах дела, ее не столь частые, как хотелось бы, статьи представляли собой «литературные шедевры», наполненные при этом очень серьезным научным содержанием.

«... Она не просто была главным редактором МПЖ, она и была этим журналом. Она делала все: собирала материалы, выполняла корректорскую работу, была редактором, бесконечно звонила авторам, сидела с ними, правила. Она входила в этот текст и вытягивала его. Для этого надо было забыть про себя, про свою статью, потому что отредактировать одну статью — это две свои можно написать. Огромная часть ее жизни была редакторская, а те ее тексты, которые она писала сама, — были блестящими. И при этом будучи сама творческим человеком, Татьяна Васильевна умела быть редактором — ведь редактор должен уходить в тень, он всегда должен быть вторым, он должен уйти и дать возможность Быть кому-то, Быть автору. И в этом смысле эта работа похожа на психотерапию. Это какой-то человеческий подвиг Любви, когда человек душу свою теряет для того, чтобы чужая душа была... И это все было без натуги, она не совершала никакого «подвига», не было желчи, «биения себя в грудь». Это все было для нее очень трудно, но не было такого морального надрыва» (Ф.Е. Василюк).

«Для меня — как, наверное, для многих и многих смерть Татьяны Васильевны не только профессиональная потеря, но и в не меньшей мере — личная, эмоциональная.

В ней каким-то замечательным образом слились ее удивительные человеческие качества с той профессиональной миссией, которую она реально осуществляла.

Она всегда была заинтересованным и доброжелательным человеком (что тоже бывает не так часто; мы знаем, что заинтересованность далеко не всегда проистекает из корня доброжелательности).

В обстоятельствах развития отечественной практической психологии роль Татьяны Васильевны, на мой взгляд, уникальна.

Она способна была соединять в себе внимание и интерес к разным направлениям психотерапии, относиться с равным уважением и диалогической установкой по отношению к психотерапевтическим школам и людям, их представляющим. Это все позволяло ей — как главному редактору журнала — осуществлять свою уникальную миссию поддержания профессионального диалога. Причем в то самое время, когда, по меткому выражению А.И. Сосланда, у нас восторжествовала «компрадорская» психотерапия. Как одно из печальных следствий этого торжества у нас осуществился кошмарный сон Родиона Раскольникова, — про землю, где каждый ощущал себя носителем конечной истины, ведомой только ему одному.

Для того чтобы как-то соединять все это, поддерживать заинтересованные, уважительные и добрые отношения едва ли не со всеми, нужны были ее уникальные таланты.

Мы знали, что у нее была непростая жизнь, ей приходилось переживать истинно трагические события и утраты. Но все это было ее личной драмой, которую она с удивительной выдержкой, благородством, подлинным аристократизмом всегда оставляла при себе.

Очень плохо без нее. Огромная потеря.» (А.Ф. Копьев)

«Танечка прожила жизнь, немислимо напряженную в интеллектуальном, профессиональном, личностном, духовном смысле. Мне казалось, что для нее нет никаких проблем понять суть чего бы то ни было из области человеческого бытия. И она на меня производила впечатление какого-то очень легкого ангела. ... У нее было столько трудностей, но они ее абсолютно не омрачали, и она производила вот это светлое впечатление. Она на всю жизнь осталась у меня таким проплывающим, врывающимся в наш Институт солнцем» (В.Г. Щур).

«Смотрю в окно на даче и вижу цветущие флоксы — это Татьянины, выкопанные специально для меня из земли в любимой Истре. Мы с Таней знали друг друга очень давно, не сказать, чтобы у нас были очень теплые дружеские отношения, однако пригласить ее к себе бывало весело и легко, особенно в те дни, когда мы были еще относительно молоды. Мы сошлись во время посещения знаменитых сталинских семинаров на Погодинке, с которых началось заново психотерапевтическое движение в России. Мы обе были очень увлеченными неопитами — в противоположность тогдашней научно-психологической схоластике, это была настоящая жизнь. Помню ее как приятного компаньона во время нашей стажировки в Бехтеревке, потом была совместная работа в консультации «на общественных началах», как тогда это называлось, в Психологическом институте, потом — памятный визит К. Роджерса к нам в Институт, когда многие из нас выбрали свое психотерапевтическое *credo*. Татьяна Васильевна преданно служила ему, в ней была жива память о К. Роджерсе до самой смерти. Наш энтузиазм не пропал всеу — вскоре была создана и лаборатория «научных основ» психотерапии, где она проработала вплоть до своего ухода из жизни. Больше всего в ней поражало необыкновенное жизнелюбие — хандра, похоже, никогда ее не посещала — даже при самых тяжелых жизненных обстоятельствах. У нее была какая-то необъяснимо откуда взявшаяся уверенность в том, что «она со всем справится», «все сможет и победит». С этим чувством она и шла по жизни, пока болезнь к ней не подкралась. Но и тогда никто не видел ее в плохом настроении: она только деловито (как будто это случилось не с ней) докладывала о том, как обстоят дела с течением болезни. Вот бы так научиться принимать свои беды и хвори!» (Л.И. Воробьева)

«О Татьяне Васильевне хочется говорить очень человеческими, теплыми словами, избегая штампов и официального языка. Наше личное и профессиональное общение с ней всегда было легким и интересным. В Татьяне Васильевне чувствовалась искренняя заинтересованность собеседником, стремление понять его. Все это сочеталось с ясным и живым умом, ответственным отношением к делу и своей роли в нем. Татьяна Васильевна отличалась удивительной стойкостью и способностью жить полной жизнью до последних своих дней — это восхищало и вызывало огромное уважение. До сих пор непривычно и трудно говорить об этом в прошедшем времени — ведь она, даже будучи тяжело больной, продолжала думать о будущем лаборатории и своем участии в нем. Для меня Татьяна Васильевна всегда будет человеком, воспоминание о котором вызывает теплые, светлые чувства.» (Н.В. Кисельникова)